

IV.3. Особенности восприятия российского официального дискурса политики памяти о советском прошлом в массовом историческом сознании (по результатам качественного социологического исследования)

Проведенное в рамках гранта качественное социологическое исследование было направлено на изучение особенностей восприятия российского официального дискурса политики памяти о советском прошлом в массовом историческом сознании.

При разработке программы исследования мы концептуально исходили из необходимости различать «живую» коллективную память отдельной социальной группы и стандартизированную и объективированную культурную память общества в целом. Первая основана на личных воспоминаниях о прошлом и транслируется путем межличностной коммуникации, поэтому не может охватывать больше трех-четырех поколений (примерно 80 лет). Вторая всегда опосредована/медиатизирована, предполагает наличие институциональных мнемонических акторов и производство мнемонических конструкторов, базирующихся на специальных технологиях сохранения, которые обеспечивают «долгосрочность» и/или повторяемость⁶⁵².

Мы предположили, что восприятие российского официального дискурса о советском прошлом во многом определяется тем, является ли советское прошлое частью индивидуальной памяти и/или частью коллективной памяти того поколения, к которому он принадлежит, или оно функционирует исключительно как содержание культурной памяти, не имеющей отношения к непосредственному личному опыту участников исследования. Именно поэтому в рамках исследования были организованы три фокус-группы с участием жителей Екатеринбурга старшего (60–80 лет), среднего (30–40 лет) и младшего (от 18 до 25 лет).

Представители старшей возрастной группы сохранили как индивидуальную, так и коллективную память о советском прошлом и имели возможность сопоставлять собственные воспоминания с рассказами (или умолчаниями) старших родственников. Одновременно они являлись носителями

⁶⁵² Ассман А. Длинная тень прошлого...

культурной памяти и полноценного советского официального дискурса об истории советского общества и зачастую оценивали современный российский официальный дискурс памяти именно с этих позиций (что выражалось, в частности, в неприятии религиозной составляющей официального дискурса у части участников фокус-группы).

Представители средней возрастной группы опирались как на коллективную память о советском прошлом, транслируемую старшими членами семьи, так и на культурную память, причем для них решающим являлся официальный дискурс о советском прошлом 90-х гг. XX в., когда они получали среднее образование (напомним, что теоретики памяти именно школьные годы считают решающими для становления памяти поколения), что сильно повлияло на их оценки современного официального дискурса. Для представителей младшей возрастной группы также было характерно сочетание культурной и коллективной памяти о советском прошлом, однако их культурная память формировалась под непосредственным влиянием современного официального дискурса, что, соответственно, влияло на их оценки коллективной памяти (рассказов старших членов семьи и пережитом).

Кроме поколенческих разрывов при формировании программы исследования мы исходили из тезиса о все усиливающейся медиатизации массовых представлений о прошлом. Источником этих представлений, кроме коллективной памяти, являются средства массовой информации, в той или иной мере отражающие официальный дискурс памяти. Зачастую памятью о событии становится воспоминание о том, как член общества узнал об этом событии из СМИ. Таким образом, статус свидетеля совпадает со статусом зрителя/слушателя/читателя, то есть члена медийной аудитории. Это ярко проявилось, например, при обсуждении участниками фокус-группы старшего возраста такого ключевого события советской истории, как полет человека в космос.

Кроме того, исторические события отражаются в художественных произведениях, причем такое художественное отражение может стать «протезом», вытесняющим и подменяющим индивидуальную и коллективную память (классическим примером тут являются кадры взятия Зимнего дворца из художественного фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь», которые в массовом сознании превра-

тились в документальную съемку исторического события). Подчеркнем, что речь идет об институциональном производстве текстов в широком смысле этого слова, построенных на доминантном историческом дискурсе и нарративе, а не о свободной самореализации творцов этих текстов. В результате возникает трансмедийная динамическая структура⁶⁵³, которая объединяет тексты, порожденные институциональными агентами самых разных типов: не только печатные, но и аудиальные и визуальные, научные, популярные и художественные и т.п. При этом структура постоянно пополняется все новыми медийными конструктами, приобретая тем самым многослойный характер. В ее элементах отражаются разные стадии эволюции официального дискурса памяти как в советский, так и в постсоветский период. Для представителей разных поколений характерны разные «точки входа» в этот мир художественных образов, то есть для них ключевыми при формировании представления о том или ином событии советской истории могут стать различные произведения.

Ситуация дополнительно усложняется за счет того, что в условиях информационной революции все элементы трансмедийной динамической структуры становятся принципиально доступными для пользователей электронных средств коммуникации. То, какие из этих элементов будут выбраны, а затем и войдут в индивидуальную память как правдиво отражающие советскую реальность, зависит от целого комплекса факторов, включая особенности коллективной памяти данной социальной группы.

Таким образом, изучение особенностей восприятия и переконструирования российского официального дискурса политики памяти о советском прошлом в массовом историческом сознании требует учета целого комплекса социокультурных факторов.

Память «семидесятников» о Советском Союзе (по результатам группового интервью)

Групповому стандартизированному интервью в формате фокус-группы были подвергнуты лица 1940–1955 го-

⁶⁵³ Ramsay D. American Media and the Memory of World War II. New York; London: Routledge, 2015. 215 p.

дов рождения, имеющие социальный статус – пенсионеры по возрасту. Несмотря на различные судьбы, уровень доходов и образования, профессиональные статусы в прошлом, участников группы объединяло важнейшее социальное качество – принадлежность к одному поколению, поколению «семидесятников». Их наиболее активная жизнедеятельность и личностная реализация приходилась на 1970-е – начало 1980-х годов. Если считать, что «поколение – это те, кто вступал в самостоятельную жизнь при сходных условиях и пережил совместно уникальный социальный опыт»⁶⁵⁴, то поколение «семидесятников» – это первое послевоенное поколение эпохи брежневского застоя, ставшего для этих людей главным социальным опытом. Они, за редким исключением, не помнили войну, годы коллективизации и «Большого террора» были для них легендой, но их детство и юность совпали с возросшим авторитетом СССР в мире, с первым полетом человека в космос и с ударными всесоюзными стройками. Важно и то, что становление «семидесятников» прошло в условиях относительной свободы, и что их родители-фронтовики постарались создать им максимально комфортные по тем временам условия жизни. Семидесятые годы в СССР вообще стали временем максимального благополучия советских граждан и в некотором роде расцвета советского мещанства с его имманентным стремлением к улучшению личного и семейного быта. Собственно, в этом и состояла суть брежневского застоя: люди предпочитали совершенствовать быт, нежели общественный строй. Но делали они это слишком по-советски, сочетая в своих помыслах и делах бытовой прагматизм, политический конформизм и революционный романтизм одновременно.

Спустя тридцать лет после завершения «социалистического проекта» люди, большую часть жизни прожившие в СССР – нынешние российские пенсионеры, остаются живыми свидетелями и носителями личной памяти о жизни в Советском Союзе. Их оценки прошлого субъективны и во многом продиктованы современным событийным контекстом, но от этого они не перестают быть подлинными. Пслушаем их.

⁶⁵⁴ *Пастухов В.Б.* Революция и конституция в посткоммунистической России: Государство диктатуры люмпен-пролетариата. Москва: ОГИ, 2018. С. 47.

В ходе группового интервью участникам был задан вопрос: «Какие ассоциации приходят вам на ум, когда вы слышите слова «Союз Советских Социалистических Республик»?» Ответы слушателей не отличались особым разнообразием, но в них звучали три явно выраженных нарратива. Первый связан с ностальгией по бывшему масштабу, мощи и величаю страны:

– «Невероятно огромное, достойнейшее в мире государство» (участник А.В.).

– «Вы сказали, как я воспринимаю Советский Союз. Для меня это все-таки взлет достижения науки и техники во всех областях. Помимо космоса во всех областях жизни. Все-таки наука очень хорошо развивалась, и я этим горжусь. Это первое. Второе – плановое хозяйство. Это очень серьезный момент, потому что сейчас этого нет, поэтому хотели бы вернуться, но этого нет» (участница Д.А.).

Второй доминирующий нарратив, также с ностальгической ноткой – об утраченной дружбе народов, населявших СССР:

– «Да, дружба народов, разных национальностей. Содружество» (участница А.Ш.).

Заметим, что групповое интервью проходило во время российско-украинского военного столкновения, что, естественно, выдвинуло тему былой дружбы народов СССР на авансцену общественного внимания и группового обсуждения. Однако это обстоятельство породило и иные оценки советского прошлого:

– «Россия. Вот русские. Они всегда были на минимуме. Поэтому у меня нет такого вот прямо, дружба народов и все такое. Русских всегда задавливали. Это мое мнение» (участница П.С.).

Третий нарратив ассоциаций с Советским Союзом у пенсионеров связан с чувством утраченной социальной стабильности и справедливости.

– Модератор: «Советский Союз – это...?»

– «Стабильность» (участница Н.Е.).

– «Справедливость. Потом забота о людях. Все-таки нам и квартиры давали, и медицинское обслуживание было бесплатным. То есть о людях очень думали» (участница Д.А.).

Среди советских политических деятелей в ассоциативной памяти участников фокус-группы абсолютно лидирующее место занимает фигура Сталина. На вопрос модератора:

«Чье имя вам приходит на ум в первую очередь, когда вы вспоминаете СССР?» – большинство из участников назвали Сталина. Аргументы подобного выбора различные: от вклада Сталина в модернизацию страны до победы в войне. Встречаются и абсолютно мифические истории.

– «После войны Сталин, то есть Иосиф Виссарионович, он дал всем приказ: там, где есть овраги, сделать плотины и выращивать рыбу, карпов, где можно. Для того чтобы люди были сыты, чтобы была рыба! Вот где есть какие возможности, чтобы выращивать скот. Это все после войны содействовали, и даже требовал он того, чтобы люди были сыты. Он заботился о нас» (участница Н.А.).

– «Ну, вот я не знаю, Сталина все хают. Но когда я еще была маленькая, мне было лет семь, наверное, но я помню, как у нас были снижены цены. Радовались мы такие, счастливые были. Ну как бы было радостно и для детей, и взрослых» (участница С.Г.).

– «Сталин. Я сейчас вот когда разговариваю с кем-то, говорю Сталин рулил, ну я считаю грубо, с 24 по 53 год, что он сделал из России, в какую превратил страну» (участник А.В.).

– «Товарищ Сталин. Потому что А.В. правильно сказал. 30 лет. Вот. Провести, в том числе войну, и когда сейчас обгаживают. Как может быть, такого высокого человека не назвать товарищ Иосиф Виссарионович Сталин. Все! Три восклицательных!» (участник А.В.).

Среди политических деятелей времен СССР многие вспомнили также Хрущева.

– «Ну, потому что началась эта... Оттепель! Реабилитация всяких врагов народа» (участница П.С.).

– «Вот Хрущев начал квартиры строить всем давать. Это же вообще, это такое событие в стране, это же из развалюхи!» (участница С.Г.).

Естественно, вспомнили Брежнева («Брежнев. Самое стабильное время» – участница Н.Е.), Ельцина («Он наш родной, уральский» – участница А.Ш.) и даже Громыко («Потому что он много сделал для нашего государства» – участница Д.А.). При этом никто ни разу не назвал Ленина, равно как и других руководителей государства 1920–1930-х гг. Не вспомнили и последних руководителей СССР – Андропова и Черненко. Даже фамилия Горбачева была упомянута лишь однажды, да и то в связи с обсуждением темы развала СССР. Но об этом чуть ниже.

В ходе интервью модератор просил участников назвать главные события из советской жизни, характеризующие СССР как эпоху. Ответы участников не были оригинальны, они точно уложились в господствующий властный нарратив интерпретации советской истории: победа в Великой Отечественной войне и первый полет человека в космос.

– «Ну, победа в Великой Отечественной... Это такое, глобальное конечно. Победа над фашизмом» (участница А.Ш.).

– «Все-таки космос. Потому что я помню вот это вот черное радио, тарелочка да, это самое. Я первая услышала дома, и когда отец пришел, он у меня глухонемой был, вот, и это самое я помню, вот, рассказывала, что полетел в космос человек. И он, конечно, тоже этому был рад» (участница Н.А.).

– «Полет в космос. Гагарин» (участник А.В.).

– «Ну, для меня тоже это два значимых: это победа, потому что у меня воевал папа, в семье отца много погибли. Погибли в семье мамы, мама всю войну была медицинской сестрой, с 14 лет в госпитале. Это победа... Вот я вам хочу сказать про другое значимое такое вот событие, так сказать юности, детства даже – это полеты в космос. То есть как бы это вот, что наша Родина – вот первая и мы... Было чем гордиться, что мы живем здесь» (участница Н.Е.).

Неожиданно разговор зашел еще об одном событии, подхваченном всеми – о распаде СССР, событии, по мнению участников, рукотворном и глубоко ошибочном. Вот здесь-то и всплыло единственный раз за всю беседу имя Горбачева.

– «Ну, я не буду углубляться, сейчас просто по теме этого вопроса. Это распад Союза. Это развалил этот, ну, Горбачев. Нельзя было, этого нельзя было делать. Мне жалко, что мы распались» (участница А.Ш.).

– «Так как они развалили, их за это судить!» (участница С.Г.).

– «Полет Гагарина. И распад тоже, да. Это очень серьезно. Я всегда говорю, что в Советском Союзе было очень много хорошего, очень много, и не надо было это рушить! Не надо было, надо было все хорошее сохранять. Но почему-то у нас это не получается» (участница П.С.).

Представляется, что концентрация участников фокус-группы только на трех событиях истории Советского Союза – война, космос, распад СССР – это не только результат

целенаправленной исторической политики современного российского государства и соответствующей пропаганды, за этим кроется и нечто другое – личный опыт жизни в СССР участников интервью. Стоит обратить внимание, что в их восприятии советской истории напрочь отсутствуют события довоенного периода, безусловно, знакомые им хотя бы по курсу школьной истории и советскому кинематографу, такие как Гражданская война, коллективизация, индустриализация и т.д. Этот исторический пласт оказался полузабытым, не востребованным. Зато в «оперативной памяти» прочно укоренились события, связанные с их личным опытом переживаний: война – потому что все они дети фронтовиков и так или иначе были вовлечены в тему войны через непосредственное общение с ее участниками; космос – потому что все они хорошо помнят полет Гагарина и тот восторженный эффект, который он произвел на весь мир и советское общество в частности; и, конечно же, травмирующий опыт распада СССР и наступивших за этим последствий.

Картина памяти «семидесятников» о Советском Союзе была бы неполной, если бы мы ограничились только позитивными оценками СССР со стороны участников интервью. Негативные тоже были и в изрядном количестве. Вообще коллективная память участников фокус-группы оказалась, скажем так, двуслойной. На поверхности – мажорные ноты радужных воспоминаний о жизни в СССР, пусть и не лишённые ностальгической грусти. Это своеобразный внешний декор, бравурная ролевая позиция в ходе коллективного обсуждения. Но стоит только кому-либо заговорить о пережитых трудностях в прошлой жизни, картина моментально меняется, открывается другой, негативный пласт памяти.

К примеру, в ответ на реплику одной из участниц, что «партия прилагала огромные усилия, чтобы у людей все было», немедленно последовала возмущенная реакция остальных участников.

– *«По талонам покупали продукты. Вы не помните? В шесть утра вставали, чтобы купить литр молока. Не помните?»* (участница П.С.).

– *«Да-да, было такое. У меня муж вставал рано утром, чтобы занимать очередь за молоком»* (авторство не установлено).

– *«Кусок хлеба давали...»* (авторство не установлено).

Особенно горестные воспоминания начались, когда участники группы заговорили о судьбах своих родителей при советской власти.

– «Мои родители рассказывали, как их выгнали, отобрали дом и назвали кулаками. А на самом деле, это потом кто-то забрал себе. В общем, это насилие, насилие...» (участница С.Г.).

– «Вот мой папа, он старенький, тоже с 23 года, он тоже рассказывал, как их раскулачивали. Последнее отбирали. Говорил, оставались мы ни с чем» (участница Н.Е.).

Однако, чувствуя внутренний диссонанс в высказываемых одновременно позитивных и негативных оценках советского прошлого, участники интервью предпочитали занимать в итоге компромиссную, объединяющую плохое и хорошее, позицию.

– «Очень сложная история нашей страны, и уже пора перестать капать правду. Надо просто признавать ее и все» (участница П.С.).

– «А что признать-то? Почему не копать?» (авторство не установлено).

– «Что признать? Все признать! Что были ошибки, были зверства, были геройства. Народ хороший, работающий. Надо дать ему возможность работать и жить» (участница П.С.).

– «Все было. Да...» (авторство не установлено).

Когда же участникам фокус-группы было предложено определить – «Чем отличались советские люди от нынешнего поколения россиян?» – разговор от утилитарных оценок прошлого ушел в духовно-нравственную сферу, и высказывания снова приняли идиллический характер.

– «Уважали люди друг друга. Ценили. Я имею в виду, люди были более сознательные такие, более ответственные, чем сейчас» (участница С.Г.).

– «Приоритет был. Это труд. Учеба, труд. И достижение целей. Все старались, трудились честно. В Советском Союзе была коммунистическая идеология. Сейчас идеологии нет. Нет. У нас была идея строить там, создавать, и все такое. В СССР. Сейчас мы не знаем, к чему мы идем. Нам бы быть бы живы, вот и все» (участница Д.А.).

– «Вот я помню свою молодость, вот у нас была цель со школьной скамьи... И учителя, и родители, будем говорить, вдалбливали: учись, учись, продолжайте учить-

ся, набирайте знания, опыт, вам это пригодится в жизни. Вот это мы старались делать» (участник А.В.).

– «Я хотела еще добавить, что в Советском Союзе в приоритете все-таки было общение. Сейчас общения мало, сейчас все в гаджеты уперлись. Все-таки общение и всякие такие были у нас политинформации и все такое. Вот это все было полезно для всех членов общества. А сейчас вот гаджеты» (участница Д.А.).

– «Ну, мы больше были политизированы, конечно. Их это сейчас не интересует» (участница П.С.).

Впрочем, и здесь не все однозначно. Нет-нет, да и обнажится второй, неофициозный, откровенно критический пласт памяти о советском обществе.

– «Свободы не было» (участница П.С.).

– «Планка была. Вот она стоит планка: выше не ходи, а вниз... Внизу можешь быть» (участница А.Ш.).

– «Ну, планочка-то эта была в чем? – политика партии и правительства. Если ты не возражаешь, то тебе помогут пробраться. Если ты хоть чуть-чуть не согласен, то тебя, может быть, не задавят, ну и продвигать не будут! Но это как было, так и сейчас есть» (участница П.С.).

– «Вы знаете, по этому поводу: те, кто хоть немного поднял свою планку выше, если ты не член партии, тебе заказана дорога в высший эшелон. Это было в Советском Союзе. Со мной согласятся, наверное, все сидящие здесь. Вот эта была планка. Если ты хочешь подняться выше, изволь стать членом КПСС. Если нет... Вот эта была планка, которая держала. Не согласен, значит, сиди тихо. Тебе не дадут подняться. Все!» (участница Н.Е.).

– «Она правильно сказала, я тоже работала на рабочем месте, и мне предложили, чтобы я после комсомола вступила в партию. Ну, там пока туда-сюда шло время, а потом уже и поставили мастером. А так бы меня бы сразу, если бы я вступила в партию, меня бы сразу и мастером-то и поставили бы» (участница С.Г.).

– «Я про Советский Союз. Все-таки уважали Сталина. Но было такое, что боялись сказать лишнее из страха быть привлеченным и отправленным за решетку просто без всякого... Вот этот вот страх в людях жил, поэтому не обсуждали, не говорили. Вот это очень важный момент. Да, много не говорили. Родители так говорили: «Молчи, молчи». Вот это слово «молчи» во мне так и си-

дит. «Много не говори», «не сболтни лишнего», вот. Это страх...» (участница Н. А.).

По сути, сказанное выше – это признание «семидесятников» во всеобщем политическом конформизме того общества, в котором они прожили большую часть своей жизни. Много не говори, не сболтни лишнего, сиди тихо – таким был стиль их жизни в Советском Союзе, точнее, стиль выживания. Что же они, в таком случае, передали своим внукам? Какое духовное наследство? Прозвучал ответ и на этот вопрос, и он еще более откровенный.

– «У нас осталась от Советского Союза психология потребителей. И она выросла! Ведь мы как привыкли? Нам должны что-то дать. Квартиру дать! Зарплату дать! Парки дать! Нам все должны были дать. Нас не приучили, что мы должны делать сами. И вот эта психология потребителей, она просто разрослась сейчас. Кто-то что-то должен дать. «А вот в Америке дают, а у нас вот этого не дали» – это наша молодежь сегодня» (участница Н. Е.).

Таким образом, можно констатировать, что память «семидесятников» о Советском Союзе – нынешних российских пенсионеров, рожденных в 1940-х – 1955-х годах, и чья активная жизнедеятельность пришлась на годы брежневского застоя – хронологически ограничена и внутренне противоречива. Она оперирует в основном событиями послевоенных лет, упуская из виду предвоенные годы, и имеет конфликтную двухуровневую структуру. На внешнем, публично-показательном уровне – это коллективные нарративы, полностью совпадающие с содержанием государственной исторической политикой памяти – героизация войны и ресталинизация, возвеличивание советской космической программы и порицание распада СССР. На внутреннем, латентном уровне – критические, подчас весьма болезненные воспоминания об обстоятельствах личной жизни и жизни своей семьи в советских условиях. Оба эти уровня сосуществуют в памяти поколения «семидесятников» одновременно. Тот или иной «пласт памяти» актуализируется и становится доминирующим в зависимости от обстоятельств: предмета коллективного обсуждения, позиции собеседников и уровня доверия к ним, а также от степени откровения сложившегося разговора. В итоге память поколения остается разорванной: властный исторический нарратив принимается и не отвергается, но и не вытесняет собой

индивидуальное восприятие прошлого, личный жизненный опыт пребывания в СССР не дает.

Характер восприятия и память о советской эпохе у россиян среднего возраста (по материалам проведенной фокус-группы)

Еще одной исследуемой целевой аудиторией, которая принимала участие в фокус-группе стали респонденты среднего возраста, которые принадлежат к возвратному диапазону от 30 до 40 лет с высшим и средним специальным образованием. Они родились в СССР, у них было советское детство и система воспитания, но школьные годы и взросление проходило в период «лихих девяностых» и начало двухтысячных. Как отмечает Е.Л. Тимшина, понятие «лихие 90-е» включает «весьма разнородные травмирующие события... всеобъемлющий кризис советской модели в период поздней перестройки, этнические конфликты, распад Советского Союза, шоковые экономические реформы и дефолт в 1998 году»⁶⁵⁵. Кроме того, несмотря на разные региональные особенности периодизации поколений, в которые попадают рожденные в 80-е годы, в данном исследовании респонденты среднего возраста относятся к представителям «старшей когорты миллениалов» поскольку их условно можно рассматривать как «ровесников горбачевской перестройки или тех, кто родился в период распада СССР»⁶⁵⁶.

Поскольку в большинстве случаев советский период их жизни совпал с периодом детства, а также они застали лишь последние годы существования Советского союза, в связи с этим можно предположить, что индивидуальная память об СССР либо отсутствует, либо значительно ограничена фрагментарными воспоминаниями детства. Несмотря на небольшой опыт жизни в данный период, респонденты, заставшие завершение советской эпохи, транслируют собственный набор нарративов об СССР, частично пересекающийся с представителями старшего поколения. Кроме того, как по-

⁶⁵⁵ Тимшина Е.Л. Проблема распада СССР в нарративах политических партий России. С. 124.

⁶⁵⁶ Ядова М.А. Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи // Полис. 2020. № 6. С. 182. С. 181–188. doi 10.17976/jpps/2020.06.14

казало исследование, это поколение передает и воспроизводит, с одной стороны, коллективные нарративы о советской эпохе, формируемую как с помощью официальной исторической политики памяти, так и при содействии других институциональных мнемонических акторов, например, СМИ. С другой стороны, личные, эмоционально насыщенные воспоминания, встроенные в коммуникативную память, носителями которой являются родители и старшее поколение.

При анализе ассоциативного ряда, связанного со словосочетанием «Советский Союз» ответы участников, перекликаются с ответами пенсионеров. Фиксируется ностальгические нарративы мощи, величия страны, многонациональности и дружбы. Так, один из участников, мужчина 33 лет, с высшим образованием пропел первые слова гимна СССР «Союз нерушимых», кроме того прозвучали следующие ассоциации: «много республик», «братство народов», «пятнадцать», «империя», «социализм». При этом среди участников фокус-группы также была зафиксирована более негативная ассоциация, например, «очереди» (женщина 34 лет, с высшим образованием). Стоит отметить, что у одного из участников Советский Союз ассоциировался с И. В. Сталиным (мужчина 37 лет, среднее специальное образование), а другая участница (женщина 34 лет, с высшим образованием) провела параллель с Л. И. Брежневым. Так, на вопрос модератора: «А когда я Вам говорю Брежнев, что Вы слышите? Что Вам кажется? Что Вы видите?» – данный респондент (женщина 34 лет, с высшим образованием) отмечает, что «у меня ничего не возникает, честно говоря. Советский Союз как он есть. Да. Единственная, наверно, ассоциация. Одно из олицетворений. (Модератор: Можно знак равенства поставить? Брежнев и Советский Союз?) Да. Потому, что все остальные это больше личности как отдельные. Здесь оно у меня со страной полностью совокупности».

При анализе значительных советских деятелей в ассоциативной памяти участников среднего возраста, лидирующую позицию занимает фигура И. В. Сталина, как и у группы пенсионеров. При этом ассоциативный ряд, связанный с И. В. Сталиным, варьировался в диапазоне ряда категорий, преимущественно негативного значения: «война», «тиран», «репрессии», «Гулаг», «высылка народа», однако встречались и позитивные и нейтральные ассоциации, например, «победы», «космос», «курительная трубка». Кроме того, на во-

прос: «когда говорят Советский Союз, СССР, Союз советских социалистических республик, какой человек, имя какой персоны приходит Вам в голову?» были названы «Брежнев», «Хрущев» и «Ленин». Стоит отметить, что участники называли именно политических деятелей, ассоциирующихся с советской эпохой, при этом другие исторические персоны данного периода, например, А.А. Леонов, С.П. Королев, не были предложены.

При обращении к персоне В.И. Ленина, участники фокус-группы озвучили основные ассоциативные шаблоны и некоторые значимые медийные образы, а также процитировали высказывания, транслируемые в информационной повестке: «Учиться, учиться, учиться», «броневик», «революция», «Крупская», «мавзолей», «Ленин – гриб», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», «Личность. Символ личности. Звезда с Лениным. Деньги с Лениным. Флаг с Лениным».

В ассоциативной памяти респондентов среднего возраста, как и у молодежи, персона Л.И. Брежнева в отличие от представлений пенсионеров, приобретает более широкую палитру образов и смыслов. Так, несколько участников с высшим образованием в качестве первой ассоциации с Брежневым называли «застой».

– «У меня ассоциация с Брежневым, это то, что при Брежневе была неверная экономическая политика, которая обеспечивала длительное время стабильность со скатыванием, то, что называется застоем. Но, при этом симулировало в экономике не эффективных хозяйственных субъектов, которые в частности породили многие кризисные явления» (участник Н.).

– «Первое это застой. Второе это звездочки героев. Вот сразу же, как говорится из всех этих исторических кинофильмов. И третье – анекдоты про Брежнева, которые появились» (участник В.).

Стоит отметить, что на конструирование памяти о советской эпохе, в частности, об эпохе Л.И. Брежнева, на сознание данной возрастной группы сильное воздействие оказали массовая культура и СМИ, то есть, прежде всего, информационные технологии. Участники называли следующие ассоциации: «медленная, медленная речь» (участник А.), «низкий голос» (участница Ю.), «Брежневский поцелуй. (Модератор: Вы картинку вспомнили или само понятие?) Нет, сами ка-

дры, видео... и пародии на них, в том числе фильм «На Дерибасовской хорошая погода», где его пародируют в этом ключе» (участник С.).

Для ряда респондентов среднего возраста в отличие от группы пенсионеров оценки советского периода отличались негативной окраской. На вопрос модератора: «Для Вас, что такое «советское»? Как можно описать и дополнить это понятие?» – последовали следующие ответы:

– «мещанское. (Модератор: Почему мещанское?) А вот не знаю, ...мне кажется, что это время, когда мало, что у людей есть. Характеризуется именно таким, желанием это иметь, то есть говорят о том, что в советах духовности было больше. Мне кажется, наоборот, меньше, потому что больше было устремлений у людей на добычу элементарных благ» (участница К.).

– «неравномерное... Не равенство как таковое. То, что мы пытались это скрыть, потом неравенство экономики, где-то более-менее адекватные какие-то продукты, а где-то мы не могли себя обеспечить какими-то элементарными вещами ну и т.д.» (участник Н.).

– «скорее это отсутствие разнообразия конкретно в одежде, в обуви. Школьная форма одинаковая, когда выкидывают на прилавок, ну насколько я могу судить, там обувь какую-то, там привезли откуда-нибудь. Кто смог тот в ней и будет ходить» (участница Ю.).

– «Это тирания, диктат, угнетение, это бесправие... Бесправие полное. Сейчас говорят люди вторая нефть, люди и тогда были вторая нефть... Факт то, что с людьми не считались, почему мы говорим о, Сталин, Ленин, говорим про культ личности. Мы не говорим про ученых. Мы не вспомнили сейчас ни одного ученого физика-ядерщика. (Модератор: А почему мы не вспомнили?) Потому, что Советский Союз не приемлел культ личности кроме личностей вождей. (Участник И.: улицы в честь конструкторов в Москве названы). Да. Названы, но все равно когда мы говорим Советский Союз – Сталин, Ленин» (участник С.).

Вместе с тем, в ассоциативной памяти представителей данной целевой аудитории относительно советской эпохи возникали ностальгические и идеализированные образы советского прошлого, которые совпали с периодом их детства, прослеживалась гордость за советские достижения науки и техники:

– «У меня [советское] ассоциируется больше всего с техникой, технологиями, технологическими рывками и технократией, в первую очередь... Ленин провозгласил электрификацию, значит, формула коммунизма – это советская власть плюс электрификация всей страны. В очень короткий срок был сделан колоссальный технологический скачок, так что к 30-му году уже... могли быть построены такие заводы как вот Уралмаш, Магнитка... все, что в Кузнецком бассейне находится и т.д. И дальнейшая эволюция технологий, как во время войны, так и после нее... связан с космосом, с атомной энергией. Огромный прогресс в физике, в химии, в информатике, то есть, несмотря на то, что считается, у нас там не производятся компьютеры, электроника и т.д. В СССР эти отрасли все существовали, несмотря на то, что они были, отставали чуть-чуть от западных. В принципе это отставание было совсем не большое, а в некоторых, конкретных областях оно даже опережало западные аналоги» (участник И.).

– «Я бы сказал, наверное, образ какого-то такого простого счастья, может быть человеческого, может быть, больше честности между людьми было. У меня почему-то такая ассоциация. Воспитание» (участник А.). В продолжение дискуссии другой участник мужчина 33 лет с высшим образованием добавляет: «Мы говорим про разные аспекты честности. Участник А. говорит о честности в межличностных отношениях, но я говорю больше о честности, именно как на другом уровне, т.е. на политическом уровне, на общественном уровне. То есть часть людей, я согласен, они друг друга меньше обманывали, мне кажется, чем сейчас. Хотя бы по количеству судебных дел» (участник Н.).

Ответы участников данной фокус-группы на вопрос о значимых советских событиях, характеризующих СССР как эпоху, в значительной степени коррелируют с ответами пенсионеров. Так, среди значимых событий из истории СССР большинством респондентов были названы: Великая Отечественная война и полет в космос. В частности, один из респондентов фокус-группы, женщина 34 лет с высшим образованием отметила: «Гагарин – это, мне кажется, огромный прорыв вообще для человечества... мне кажется, за XX-й век это самое главное, не то, что за Советский Союз и т.д. Это мировое! И то, что это наше» (участни-

ца К.). Кроме того, ряд респондентов обратили внимание на спортивные достижения СССР, в частности, Олимпиаду:

– «Если первое, что приходит в голову, то это будет Великая Отечественная война, второй пункт – это Олимпиада 80-го года. Космос у меня не приходит в первую очередь. Война и Олимпиада» (участница Ю.).

– «Для меня это еще то, что Советский Союз – это была мировая спортивная держава, я как любитель спорта за то, что наши советские спортсмены они действительно практически, наверно во всех видах спорта, за которые брались, обыгрывали всех. Ну, это я так немножко утрирую, но в сравнении с тем, что творится сейчас. Евро-88 – великолепно! Первые чемпионы Европы по футболу – Советский Союз. ...И на Олимпиадах наши спортсмены были, если не победителями всегда, то в общем медальном зачете, практически на самой верхушке!» (участник Д.).

– «Мне кажется, основные такие три события... которые все вспомнят, которые останутся в основном в памяти. Это война. Точнее космос, война и олимпиада, потому что остальное оно даже не сразу вспоминается на мой взгляд. Военный коммунизм нам не подарил особых событий. Вспоминать как какое-то мега событие предвоенные годы с его переселениями, стройками, другими какими-то отдельными тоже не вспоминается. Мы это знаем, но это не то, что мы хотим помнить о Советском Союзе, скажем так» (участник Н.).

Важным компонентом коллективной памяти участников данной фокус-группы о советской эпохе стали передаваемые на уровне семьи болезненные, эмоционально насыщенные воспоминания о трагических событиях и жизненных обстоятельствах, которые когда-то пережили их близкие родственники:

– «как раз для меня события как трагедия семейная... возвращаясь к событиям, как раз таки – это грязное белье, мы не хотим помнить, но помнить нужно, потому что хорошие моменты это все здорово, но голодомор – мои родственники очень сильно пострадали, переселение народов, в первую очередь сказалось. Мои предки казаки, их переселили, ну в Оренбуржье. И там... был голод» (участник С.).

– «мой дедушка, он в Белоруссии значит, воевал с первых дней, а в этот момент, когда он героически защищал до 44-го года нашу Родину, его народ был признан врагами

народа и высылался. То есть вот парадокс. И из-за этого ему не дали Героя Советского Союза, а в 95-м году Ельцин посмертно присвоил звание Героя Российской Федерации, то есть парадокс такой, что вроде, как и положительный момент, но в этот же момент другая часть истории – она достаточно трагична. И вот эти трагичные истории, они может быть не всех касаются, поэтому они и не приходят всем в первую очередь в память» (участник А.).

Кроме того, был сделан акцент на временных границах («сроке жизни») коммуникативной памяти, транслируемой в рамках семьи. Согласно мнению одно из участников, именно непосредственный личный опыт родственников в пределах двух-трех поколений формирует «инфраструктуру семейной памяти», поэтому отсутствие среди значимых событий, к примеру, Гражданской войны, обусловлено отсутствием памяти о ней у родителей и бабушек с дедушками.

– «Олимпиада, покорение космоса – это более новые события, мы их знаем на основании рассказов людей, которые живы. А о гражданской войне нам кто может рассказать, то есть большинство наших дедушек, бабушек, они родились после. Они этого просто не знают из опыта» (участник И.).

Между тем, несмотря на незначительный опыт советской жизни, некоторые участники среднего возраста смогли воспроизвести яркие, детские, личные воспоминания, пусть и крайне фрагментарные, но формирующие их собственную память о советской эпохе. Так, один из участников мужчина 34 лет поделился воспоминаниями о 1990-м годе, который его семья провела в Москве. Другой участник, мужчина 37 лет со средним специальным образованием, отметил: «Я очень хорошо, много чего помню из детства. И из Советского Союза, мне хоть было мало лет, но я тоже помню моменты. И правильно сказано было, что потом это перетекло и в 90-е, поэтому память свежа». Кроме того, другими участниками фокус-группы были названы символы и атрибуты советской жизни, быта («компостер в трамвае», «глиняная посуда в столовых» и др.), которые они все еще помнят. Отметим, что яркие детские воспоминания с оттенком ностальгии в последствии могут стать частью семейной памяти о советской эпохе, а также оказать влияние на характер восприятия памяти об ушедшей эпохи у следующих поколений.

Большой пул вопросов был посвящен обсуждению источников информации о советской эпохе, их достовер-

ности и валидности для оценки данного периода истории. Участники среднего возраста, как и респонденты двух других фокус-групп (молодежь и пенсионеры) продемонстрировали потребность в сочетании как традиционных форм и каналов информации о советском периоде (рассказы родственников, телевиденье, пресса, художественная литература, учебники истории), так и цифровых каналов, преимущественно поиск в интернете. Однако именно воспоминания родителей и родственников в значительной степени доминируют в качестве источника информации о советской эпохе. Так, на вопросы модератора: *«Вы лично, откуда знаете про советское прошлое, про Советский Союз?»* – участники отметили:

– *«из многих источников: что-то родители рассказывают и другие взрослые, что-то в фильмах мы можем видеть, что-то в учебниках истории в школе читали, и помимо этого когда взрослеют, люди читают книги, интернет тот же самый, фильмы смотрят, интересуются историей, музеи могут посещать. Ото всюду понемногу информацию собирают и какой-то образ формируют»* (участник А.).

– *«в большинстве, случаев рассказы родственников, подкрепленные кинематографом советским, учебниками истории, которые неоднозначны. Разговоры, рассказы родственников конечно в некоторых местах видно, что противоречат с учебниками. Хотя они на них воспитаны были. Но, они же какие-то этапы застали, где нам уже немножко отредактированную версию подали. Плюс такие-то книги, из интернета меньше на самом деле. Тем более про Советский Союз в интернете сейчас столько мнений и не получить четкую, ясную картину. Я не настолько способен в анализ, чтобы собрать достоверность, в общем отделить истину от плевел, поэтому основываюсь больше на опыте предков»* (участник С.).

Отметим, что согласно позициям респондентов выбор источников и каналов информации, доверие к потребляемой информации и ее достоверность обусловлено рядом факторов: ограниченными временными возможностями респондентов, персональными интересами, доступностью исследуемого материала о советском времени, инструментарием и др. Так, участники отмечают потребность в критическом и комплексном анализе источников информации при обращении к советской истории:

— «нельзя считать источником на 100% не один из источников, потому что источник о Советском Союзе — это комплекс, это комплекс источников, и почерпнуть какую-то информацию мы можем только комплексно, опять же подойдя к вопросу. Книги, фильмы, рассказы, не знаю какие-то исторические документы, которые в открытом доступе есть. Я на своем примере, давайте, поскольку не далеко был Тоцкий полигон, то я как потомок, тех людей, которые там проживали в момент ядерного взрыва. Соответственно, какую информацию знает средне статистический россиянин про Тоцкий полигон? Да 5%. Может даже ни кому не интересно, ни кто не помнит. Многие знают Хиросима, Нагасаки, Фокусамы, кто-то вспомнит Семипалатинск. Про Тоцкий, когда я рассказываю два человека из 10. А, Тоцкий — да, что-то слышал. А, это там Жуков был. Это вообще 1% из ста. Поэтому говорить об источниках достоверно, у нас нет ни одного советского фильма про Тоцкий полигон. Исторический факт испытание ядерной бомбы могли бы хотя бы снять как-то, хотя бы в качестве пропаганды. Что вот мы обуздали не только мирный атом, но и сделали атом на защиту страны, ядерный щит. Вот поэтому я говорю, что источники, они разные» (участник С.).

— «подвергать сомнению любую информацию. Правда, если очень интересно. Если мы берем с точки зрения исследования науки, то человек должен подходить к вопросу комплексно, опять же, исследовать этот вопрос и документально и с рассказов ну еще остались живые люди Советского Союза — это очевидно. С рассказов очевидцев и делать анализ, а не говорить какой-то источник достоверный или нет» (участник С.).

— «как по мне все-таки родственникам. Допустим все, что я знаю вообще о жизни, имеется в виду о Советском Союзе — это рассказы моей бабушки и дяди. А со школой тяжело, потому что если говорить, допустим, об учебниках то у нас в школе очень слабо преподавался Советский Союз. Мы каждый год начинали с восточных славян и где-то там же заканчивали, по-моему, приблизительно вот на этом» (участник Д.).

— «Что-то помнят мои родственники, что-то помню я. Можно по этому судить, но нельзя воспринимать это так, что это весь Советский Союз жил именно так» (участник В.).

– «Если это речь о родственниках, то, во-первых, должен быть контекст, сейчас жизнь такая быстрая, что просто сказать: мама, а давай поговорим о твоём опыте жизни в Советском Союзе, это ну максимально странно. Вы обсуждаете будущее скорее, а прошлое оно именно о личном, да поэтому для меня, например, рассказы родственников это наверно даже один из самых маленьких источников. ...Для меня история всегда воспринималась как квинтэссенция сплетни и соответственно какие-то как раз маленькие истории, рассказы, байки, они для меня картину и атмосферу создают. И я знаю, Советский Союз по Довлатову и Веллеру, вот для меня это собственно – Советский Союз» (участница К.).

– «Перекрестно сравниваешь источники и понимаешь в какой-то конкретный момент, в каком-то конкретном месте было вот так. Советский Союз – это вон свыше 200 миллионов человек. У всех Советский Союз разный» (участник Н.).

Резюмируя, отметим, что полученные ответы показывают, что память респондентов о значимых советских событиях сформирована под влиянием современного официального дискурса о советской эпохе, транслируемого разными институциональными мнемоническими акторами, а также взаимосвязана с доминирующими историческими нарративами, характерными для национальной политики памяти в частности и культурной памяти в целом.

Однако, на примере значимых исторических событий советского периода, можно выявить наличие в «оперативной памяти», данной возрастной группы как героических, позитивных событий, таких как первый полет в космос, победа в Великой Отечественной войне, так и травмирующих исторических событий, передаваемых и воспроизводимых в коммуникативной памяти отдельных групп (преимущественно на уровне семьи). Например, «голод», «высылка», «испытания на Тоцком полигоне» и др. Принцип избирательности восприятия, желания вспоминать позитивные, героические события советского прошлого страны сосуществуют в «оперативной памяти» данной возрастной группы с семейными трагическими сюжетами, которые как отмечают участники нужно и важно помнить. Стоит отметить, что при обращении к ценностным константам характерным для советского периода одной из значимых ценностей становится «стремле-

ние к образованию» как для среднего возраста, как и для двух других групп (пенсионеры и молодежь).

Для данной целевой аудитории характерно более смелое и активное переконструирование и трансляция как культурной, так и коммуникативной памяти (в частности памяти семьи), поскольку они не являются свидетелями основных событий советской эпохи (в том числе трагических), а занимают аналитическую и оценочную позицию. Таким образом, память о советском периоде родившихся в 80-е годы, можно определить как гибридную, поскольку, коллективная память конструируется у поколения «старшей когорты меллиниалов», как и у поколения «семидесятников» на двух уровнях: публично-показательном и личном уровне. Однако личный уровень формируется преимущественно за счет коммуникативной памяти семьи и родственников и лишь отчасти собственных, фрагментарных воспоминаний, которым характерен ностальгический и идеалистический оттенок.

Характер восприятия СССР современной студенческой молодежью (по материалам проведенной фокус-группы)

Целевой аудиторией первого качественного социологического исследования, проводимого в формате фокус-группы, в 2021 г. стали студенты, обучающиеся в магистратуре одного из высшего учебного заведения города Екатеринбурге. Это были молодые люди 1999–2000 годов рождения, поколение «миллениума» или «первое путинское поколение», для которого все детство, отрочество, юность и начало профессионального становления пришлось на годы правления президента В.В. Путина. Это поколение биографически никак не связано с Советским Союзом, молодые люди родились спустя почти десять лет после того, как он распался. Они не жили в Советском Союзе, не воспитывались в советской идеологии, не учились по советским учебникам в школе, а потому их восприятие СССР являет собой набор индивидуальных мифологизированных фрагментов коллективной исторической памяти о уже несуществующем государстве. В контексте нашей темы у этого поколения «миллениума» есть еще одна важная особенность – это их родители, рожденные приблизительно в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Распад СССР пришелся на их детство, максимум – подрост-

ковый возраст, а потому их родительское восприятие Советского Союза, можно допустить, носит ограниченный и искаженный за малолетством возрастными особенностями характер. Если же полагать, что социализация человека во многом определяется семьей, и что в семье человек постигает первые уроки знакомства с исторической памятью, то придется признать, что участникам фокус-группы их родители мало что содержательного могли рассказать о Советском Союзе, поскольку сами полноценно не усвоили этот опыт. Но тем и интереснее для исследования получились результаты группового интервью.

Итак, студентам-магистрантам была объявлена общая тема проводимого исследования: «Память о Советском Союзе. СССР».

Вначале, путем применения метода ассоциативного опроса, было предложено студентам быстро, не задумываясь, сказать, что первое приходит в голову, когда произносится слово «СССР». Результаты оказались следующими: «совок» (смех в аудитории) (участница А.), «тоталитаризм» (участник Н.), «ФЭД. Феликс Эдмундович Дзержинский» (участник Д.), «режим» (участник П.), «красная угроза» (снова смех) (участник Ни.).

Затем было предложено для получения быстрого ответа словосочетание «Советский Союз», на которое были даны такие ответы: «индустриализация» (участница А.), «серп и молот» (участница Ал.), «машина» (участник А.), «закрытость» (участник И.).

Данные ответы продемонстрировали, в целом, негативный характер ассоциаций, возникающий у студентов при произнесении слова «СССР», однако, когда было произнесено словосочетание «Советский Союз», негативный ассоциативный ряд сменился нейтральными, символическими образами советской эпохи.

Следующий вопрос звучал так: «А с каким человеком, персоной, историческим деятелем у Вас связан весь этот набор слов: Советский союз, СССР, Союз советских социалистических республик?» Надо было сразу назвать первую фамилию, которая пришла в голову. Получились следующие ответы:

- «Сталин» (участник И.).
- «Горбачев» (участник А.).
- «Сталин» (участница Ал.).

– «Сталин» (участница А.).
– «Ленин» (участник Н.).
– «Троцкий. Без него Советского Союза не было, я знаю. Даже Ленин такую роль не сыграл» (участник П.).

– «Жуков» (участник Д.).
– «Брежнев» (участник Ни.).
– «Ленин» (участница Ан.).

Для более подробного развертывания полученных ответов был задан дополнительный вопрос: «Когда мы говорим Ленин (Сталин, Брежнев), что первое приходит в голову?»

При обращении к персоне «В.И. Ленин» респонденты назвали следующие ассоциации: «мавзолей» (участница Ан.), «броневик» (участник Н.), «Советский Союз» (участница Ал.), «оппозиционер» (участник А.).

Ассоциативный ряд с персоной «И.В. Сталин» выстроился следующим образом: «жестокость» (участник Н.), «плохой менеджер» (участник П.), «усы» (участник Ни.), «коллективизация» (участник А.), «террор» (участница Ал.).

В свою очередь были озвучены следующие ассоциации с «Л.И. Брежнев»: «брови» (участник Д.), «застой» (участник Ни.), «застой» (участница Ал.), «брови» (участница А.), «любовь целоваться» (участник Н.), «номенклатура» (участник А.).

Ответы показали, что в восприятиях студентов основные характеристики политических руководителей советской эпохи связываются ими, во-первых, с их внешними стигматами (усы, брови, любовь целоваться), во-вторых, с символическими репрезентативными образами (мавзолей, броневик, застой), в-третьих, со взятыми, скорее всего, из околонушной литературы и современного кинематографа, стереотипными представлениями о личных качествах лидера и проводимой им политики (плохой менеджер, жестокость, террор).

Далее перед респондентами был поставлен вопрос: «Как Вам кажется, какие ценности были основными для граждан Советском Союзе? Чем там люди гордились?»

Последовали следующие ответы:

– «Отечеством. Страной. Мне кажется, что люди гордились, именно, Советским Союзом... мне кажется, вряд ли, о материальном шла речь, мне кажется, все-таки больше о духовном» (участник Н.).

– «Мне кажется, ценили какую-то заботу от государства, наверное, помощь от государства» (участница Ал.).

– «Я бы наверно так сказал, что не гордились они, а ценили они стабильность. То есть, есть рабочее место, есть заработная плата, на которую ты можешь... как-то прокормить семью, есть институты, которые помогают людям... жить в гражданском обществе. Вот, например, у меня был... еще лет 5 тому назад... разговор с человеком как раз старшего поколения, лет 60... про те же самые Касли. На тридцать тысяч население, в маленьком городе в советское время было две школы Олимпийского резерва, что, сейчас, кажется чем-то нереальным» (участник И.).

– «Мне кажется, гордились тем, что живут в великой державе... Если глубоко в подкорку советского человека залезть, то, наверное, это какая-то высшая духовная ценность» (участница А.).

На вопрос «А чем гордится Ваше поколение, что оно ценит?» прозвучали следующие ответы, во многом характеризующие внутренние качества и ценностные предпочтения сегодняшней молодежи:

– «Мне, кажется, молодежь ценит свободу. Хотя о ней сейчас трудно очень говорить, она сейчас такая у нас регламентированная... стала. Если человек хочет стать, допустим, программистом, то пошел, выучился, там на курсы. В интернет спокойно зашел, если тебе нравится какая-то информация, определенный язык и выучился... Вот это больше всего, наверное, мне, кажется, ценит молодежь» (участник Н.).

– «Нынешнее поколение стремится, прежде всего, развить себя, реализовать себя... и речь идет, скорее больше о материальных ценностях, чем о духовных» (участник Д.).

– «Я немножко по-своему отвечаю, и немножко по-своему формулирую вопрос. Если сравнивать наше поколение и при Брежнев... то я бы отметил: при Брежнев – это стабильность, а у нас, у нашего поколения – возможность выбора... а в Советском Союзе как-то решалось все за тебя» (участник П.).

– «Я горжусь своими достижениями. Я примерно предполагаю, что все поколение мое также. Но, я не уверен в этом» (участник П.).

– «Человек сейчас стремится к индивидуальному развитию, становится все больше индивидуалистом... И соответственно он и гордится своими личными достижениями, пока он развивается, пока чего-то достигает... то есть

речь идет не о гордости возможно за страну, за город, за не знаю за какие-то крупные образования. Речь идет зачастую о гордости за себя, за свою семью, за еще что-то такое» (участник Д.).

– «М... живем в эпоху потребления, многие со мной согласятся, мы делаем все это ради денег, предполагаю, чтобы получить какие-то материальные блага, отдохнуть на море и так далее. Мы же не просто так образовываемся, учим там, не знаю IT. Мы же делаем это, чтобы заработать деньги. А вот, в СССР, если сравнивать, для чего люди раньше жили. Для чего люди воевали, например, в Великую отечественную войну? Они воевали ради коммунизма. Была идея коммунизм. Вот как раз от каждого по способностям каждому по потребности, по труду, грубо говоря, и все они шли к одной цели, к коммунизму. Потом это все разрушилось и как-то стало меняться, и грубо говоря, мы пришли к тому, к чему сказал Даллес тогда в своей речи, что СССР пора знакомиться с Америкой и... переходить к капитализму» (участник Н.).

– «Я согласна с участником Н., я понимаю его мысль, что была общая цель, к которой все двигались и которую всем постоянно внушали, что есть цель. А сейчас я согласна, что у нас цели общей для страны, для общества нет. И... все мысли только о своих целях, о собственных каких-то достижениях, которых хотят добиться, в первую очередь, это деньги, успех какой-то... признание» (участница А.).

На принципиальный вопрос «В чем главная ценность Советского Союза для современных людей?» магистранты дали следующие ответы:

– «Если говорить о ценностях, которые для нас представляет СССР, можно выделить образование и научно-технический прогресс. Образование, потому что многие преподаватели, которые нам сейчас преподают – это еще старой закалки... люди, которые... говорят, что у них было очень сильное образование. Как раз не так давно узнал, что у преподавателя по философии было три семестра математики и физики. В общем образование было комплексное» (участник Н.).

– «Мы же в космос полетели. А еще – это победа в Великой Отечественной войне, по сути, решающая во Второй мировой, победа против Гитлера, а потом против Японии» (участник П.).

– «Я подумала про ценности, что были в Советском Союзе, это то, что как сказать государство могло мобилизовать людей в короткие сроки, то есть для каких-то целей, то есть сделать экономический скачок, какие-то достижения организовать. Сейчас так не получится, мне кажется... Сейчас мы уже не так мыслим, а тогда люди не были против» (участница Ал.).

В продолжение разговора модератор уточнила: «Если бы у нас была какая-нибудь задача, построить, например, новую Байкало-Амурскую магистраль. Вы бы поехали?»

– «Я не поехала бы (смех) вот именно в этом и вопрос. Это была задача государства, то есть надо было идеологически подготовить людей к этому... Получается, что цель государства была выше цели обычных людей. И за счет этого достигался прогресс» (участница Ал.).

– «Вся политика СССР на этом и строилась: человек рассматривался как винтик в общей системе. И не было такого понятия как желание человека» (участница А.).

В ходе интервью модератор просил участников ответить на вопрос: «Как Вы думаете, советский человек – это кто?»

– «Советский человек это... такой, скажем, универсальный боец, который способен сегодня поднимать... целу, завтра ехать совсем в другую точку страны, на какую-то другую глобальную стройку. То есть, он всегда движется в русле коллектива» (участница А.).

– «Советский человек... – это человек, прошедший советскую школу, получивший советское образование» (участник Н.).

– «Мне нравится уровень образования советского человека по сравнению с современным, ...возможность достижения каких-то глобальных целей в масштабах страны за счет задействования больших масс населения» (участник Д.).

Как видим, несмотря на появившиеся в самом начале опроса негативные ассоциации, возникшие у молодежи при озвучивании аббревиатуры «СССР», в дальнейшем в процессе развития темы «Память о Советском Союзе» выяснилось, что студенты весьма положительно оценивают всю советскую эпоху, которая, по их словам, предоставляла широкие возможности для получения системного фунда-

ментального образования, реально приобщаться молодым людям к современным достижениям науки и технического прогресса. Кроме того, некоторые студенты даже завидовали размаху мощной идеологической обработки, которой подвергался советский человек, считая, что, действуя умело, современное постсоветское государство могло бы взять данный опыт на вооружение. В ответах студентов мы обнаружили также нотки ностальгии по стройной системе ценностей советской эпохи, а также – сожаления относительно сложившихся в современном мире потребительских и индивидуалистических ценностных установок.

В то же время, следует отметить, что исторические знания о Советском Союзе у опрошенных студентов не отличаются хронологической точностью (к примеру, в связи с возникшей дискуссией по вопросу, в каком году был создан СССР), хотя ключевые достижения Советского Союза ими были названы правильно. Проведенный опрос показал, что представления студентов о советских руководителях страны и проводимой ими политики оказались наполненными многими расхожими стереотипами, взятыми, скорее, из популярной литературы, произведений современного кинематографа, а не из серьезных научных исследований. Это заставляет серьезно задуматься над созданием прочной научной базы для совершенствования вузовского историко-политического образования, а также для формирования профессиональных кадров в области управления политикой памяти.

* * *

Таким образом, проведенные групповые интервью в различных возрастных группах по поводу памяти о советском прошлом наглядно показали существенные поколенческие различия в восприятии СССР.

Эти различия определяются не только биографическими характеристиками поколений (наличие статуса свидетеля прошедших событий или отсутствие такового), но и официальным дискурсом политики памяти, доминирующим в годы социализации того или иного поколения, а также все более усложняющейся от поколения к поколению системой медиатизации коллективных представлений о прошлом. У каждого более молодого поколения представления о СССР,

по сравнению с предшественниками, становятся все более мифологизированными, при этом более фрагментарными и внутренне противоречивыми. Если у самого старшего поколения среди опрошенных в основе их оценок советского прошлого лежит личный опыт жизни в СССР плюс доминирующий ныне исторический нарратив, то у самого молодого – многослойный «пирог» разнообразных мнемонических акторов, среди которых даже семья (а, соответственно, и семейная память) не играет определяющей роли.

Тем не менее, у всех опрошенных представителей поколенческих групп (а все они родились в послевоенное время) есть очевидные сходства в восприятии советского прошлого.

1. В своих воспоминаниях и оценках СССР они почти не оперируют событиями советской истории, предшествующими периоду Второй мировой войны. Основной корпус их актуальной памяти наполнен послевоенной историей СССР.

2. Восприятие советского прошлого у большинства респондентов окрашено в позитивные, героико-романтические тона и по своему содержанию практически совпадает с нынешним официальным историческим дискурсом. Все без исключения группы важнейшими событиями истории СССР назвали победу в Великой Отечественной войне и полет Ю.А. Гагарина в космос. Среди персон, олицетворяющих собой СССР, лидирующую позицию занял И.В. Сталин.

3. Нелицеприятные страницы советской истории как таковой находятся в своеобразной «зоне умолчания» (как будто об этом не принято говорить на людях) и артикулируются лишь при провокативном обращении к семейной памяти. В последнем случае оценки прошлого приобретают заметно более яркий эмоциональный характер.

4. В формировании коллективной памяти о СССР все участники интервью отметили важную роль семьи. Однако можно предположить, что со временем, по мере ухода «родившихся в СССР», роль семьи в формировании памяти о Советском Союзе будет существенно снижаться, уступая место другим мнемоническим акторам, ведущим из которых по-прежнему будет оставаться государство и формируемый им официальный дискурс политики памяти о советском прошлом.